

УДК 947.1/9(571.52)+323

**ТУВА НА ФОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ГЕОСТРАТЕГИИ РОССИИ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.**

**TUVA IN THE CONTEXT OF THE CENTRAL ASIAN GEOSTRATEGY OF RUSSIA
IN THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY**

С. В. Саая

S. V. Saaya

ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет», г. Кызыл

Аннотация. В статье Центральноазиатский регион рассматривается на фоне геополитических сдвигов в первой четверти XX в. Проанализирован комплекс факторов, определивших направленность эволюции статуса Тувы в контексте международной ситуации. В начале века Тува – провинция Цинской империи; в результате распада империи, после кратковременного периода поисков – под протекторатом России; после распада Российской империи – в процессе самоопределения, завершившегося провозглашением суверенитета Тувинской Народной Республики, а к концу второй мировой войны Тува вошла в состав Советского Союза в статусе автономной области РСФСР.

Abstract. The article considers the Central Asian Region in the context of geopolitical shifts in the quarter of 20th century. It analyzes the complex of factors that determine the evolution of the status of Tuva in the context of the international situation. At the beginning of the century Tuva was the province of the Qing Empire; as a result of the collapse of the Empire, after a short period of searches – under the protection of Russia; after the collapse of the Russian Empire – the process of self-determination was completed with the declaration of sovereignty of the Tuvan People's Republic, and by the end of the Second World War Tuva was merged in the Soviet Union an autonomous region of the RSFSR.

Ключевые слова: *Урянхай, Тува, Россия, Китай, Монголия, Центральноазиатский регион, геополитический статус, панмонголизм.*

Keywords: *Uriankhai, Tuva, Russia, China, Mongolia, Central Asian Region, geopolitical status, panmongolism.*

Актуальность исследуемой проблемы. В современной социологии международных отношений и историографии особое внимание уделяется изучению региональной истории. В контексте такого подхода анализируются интересы, цели и действия не только государственных, но и негосударственных участников международных отношений. Кроме того, результаты подобных работ по новейшей истории Тувы могут быть использованы научными и государственными организациями России при анализе современного состояния взаимоотношений евразийских государств, при разработке проектов и планов сотрудничества между ними. Практическая значимость наших исследований связана также с тем, что они в определенной мере позволят обозначить роль субъектов Российской Федерации, в частности Тувы, в развитии международных и межрегиональных связей [11]. При грамотной и обоснованной выработке геостратегии такие регионы могут получить дополнительные стимулы развития за счет своего выгодного географического и политического положения.

Необходимость изучения исторического опыта взаимодействия Тувы с другими государствами обусловлена, во-первых, требованиями современного этапа развития науки, требующими углубленного изучения новейшей истории взаимоотношений Тувы и России, России и Китая, России и Монголии в динамике на фоне геополитических сдвигов. Во-вторых, такая необходимость вытекает из потребностей современной внешней политики России в условиях изменившейся геополитической картины мира. Россия как евразийское государство оказывает определенное влияние на процессы в Центральноазиатском регионе наряду с Китаем.

Положение Тувы в рамках геополитической стратегии России менялось как отражение национальных интересов, внешнеполитической доктрины и внешнеполитического курса двух евразийских империй – России и Китая [2]. Данная проблема включает ряд новых теоретических вопросов, таких как соотношение геополитики, идеологии Коминтерна и национальных идей в структуре Россия – Китай – Монголия – Тува; Тува как объект политики России (СССР), Китая, Монголии; генезис российских, китайских и монгольских интересов в Туве; взаимоотношения на этнорегиональном уровне.

Материал и методика исследований. Историография вопроса охватывает прежде всего советскую историческую науку, которая при изучении истории международных отношений России отталкивается от идеологических установок в духе высказывания В. И. Ленина о существовании для народов Востока «двух России – Советской России, прогрессивной и передовой, и царской России – грабительской и реакционной» [5].

На современном этапе проблему эволюции статуса Тувы необходимо изучать на основе анализа уже имеющегося исторического материала с учетом степени изученности темы в научной литературе, а также на основе новых источников и методологических принципов. Один из ключевых методологических моментов, особенно актуальный при анализе статуса Тувы как составной части России, – опора на идею евразийства, классическая основа которой была заложена известными российскими учеными-евразийцами Н. С. Трубецким, П. И. Савицким, Г. В. Флоровским, Л. П. Карсвиным, Г. В. Вернадским, а также Л. Н. Гумилевым. В данном случае, рассматривая проблему через призму новейших изысканий, исходим из евразийской сути России, являющейся одновременно и европейской, и азиатской державой. Основная парадигма развития Российской империи в конце XIX – начале XX вв. была обусловлена ее евразийской спецификой, определившей пределы, методы и формы экономического и политического влияния России как на Туву, так и на другие сопредельные регионы. В действиях СССР, кроме евразийского компонента, просматривались идеологические мотивы (концепция «мировой революции» на Востоке, теория «некапиталистического развития» и др.), являвшиеся во многом искусственными схемами, опровергнутыми ходом самой истории [24].

При анализе особенностей и общих закономерностей китайской политики в отношении Тувы, Монголии и России важно анализировать систему традиционных китайских внешнеполитических принципов, изучение которых впервые в мировой синологии принял В. С. Мясников [7]. По определению автора, китайская стратегема – это «нацеленные на решение крупной внешнеполитической задачи планы, рассчитанные на длительный период и отвечающие национальным и государственным интересам». Применение статогемного подхода дает возможность понять внутреннюю логику китайского руководства при подписании Кяхтинского тройственного соглашения 1915 г., советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г., которые также коснулись Тувы. Данный подход в китайской политике в отношении Тувы позволяет более четко выделить два уровня:

региональный и международный, основывающиеся на не бесспорном постулате «Тува и Монголия – составные части Китая». Так, С. Г. Лузянин, с новых позиций обстоятельно проанализировав весь комплекс дипломатических взаимоотношений СССР с Монголией, Китаем в рамках изучения восточного направления внешней политики СССР, затронул проблему международного статуса тувинского государства, отметив, что «в систему СССР – Монгольская Народная Республика (МНР) были включены и этнорегиональные структуры Тувы и Бурятии, которые в первой четверти XX в. занимали относительно самостоятельные позиции в отношениях с Монголией», тем самым определил место и роль тувинского вопроса в этом треугольнике [6].

Результаты исследований и их обсуждение. В начале XX в. основными факторами, определявшими геополитический климат в Центральноазиатском регионе, являлись две империи – Россия и Китай, и их взаимоотношения влияли на региональные субъекты. Геостратегия двух государств по своей сути всегда была евразийской. Россия как самое крупное евразийское государство является одним из существенных гарантов сохранения стабильности в мире, в том числе и в Центральноазиатском регионе. Другим фактором, определяющим ситуацию в данном регионе, бесспорно, является динамично развивающийся Китай. Географическое положение Тувы между двумя евразийскими государствами – Россией и Китаем – влечет за собой поиск оптимальных ориентиров в политической, экономической и культурной областях. При этом важно объективно оценить исторический опыт взаимодействия двух государств и на этой основе наметить перспективные направления сотрудничества.

Итак, для изучения процесса изменения геополитического статуса Тувы необходимо определить основные этапы эволюции ее геополитического статуса; выявить факторы, способствовавшие провозглашению протектората России над Урянхайским краем (Тувой); оценить значение создания тувинского государства – Тувинской Народной Республики (ТНР) – в изменении международной обстановки в центре Азии; обозначить внешнеполитические и внутривнутриполитические факторы изменения международного статуса тувинского государства; проследить степень влияния геополитических сдвигов в регионе и мире на статус Тувы; изучить направленность изменения внешнеполитических параметров позиций соседних государств по вопросу о статусе Тувы.

Остановимся подробнее на хронологических рамках и определимся с периодизацией. Уточняя хронологические рамки, заявленные выше – начало XX в., – мы отталкиваемся от анализа исторических процессов с 1911 по 1940-е гг., хотя фактические и методологические основы анализа эволюции геополитического статуса Тувы намного шире. Временные рамки исследования охватывают всего три десятилетия, но этот исторически короткий отрезок стал периодом радикального изменения геополитического статуса Тувы: провинция Цинской империи, Тува под протекторатом Российской империи, суверенное государство ТНР, автономная область Советской России. Нижняя граница определена распадом Цинской империи, в составе которой Урянхай существовал с 1756 г., верхняя – моментом вхождения ТНР в состав СССР в качестве автономной области РСФСР.

За этот период статус Тувы менялся несколько раз: до 1911 г. – провинция Цинской империи; с 1911 по 1914 гг. – период поиска и самоопределения; с 1914 по 1917 гг. – под протекторатом Российской империи; с 1917 по 1921 гг. – период поиска и самоопределения; с 1921 по 1944 гг. – суверенное государство – Тувинская Народная Республика; с 1944 г. – автономная область РСФСР.

В ряде работ мы предпринимали попытки воссоздать историю взаимоотношений Тувы и России (СССР), Китая, Монголии с новых позиций, стремясь отойти от традици-

онного изложения только советско-тувинских или советско-монгольских, советско-китайских отношений и дать комплексное освещение системы российско-китайско-монгольско-тувинских внешнеполитических связей; проследить внутреннюю обусловленность и эволюцию их взаимоотношений [11], [18].

Далее остановимся на анализе факторов, определявших основные направления геополитических сдвигов в регионе.

К началу XX в. Урянхай (Тува) был частью Цинской империи. На эволюцию геополитического статуса Тувы повлиял ряд факторов. Во-первых, Синьхайская революция 1911 г. привела к распаду Цинской империи, и, как следствие, произошло ослабление позиций Китая в Центральноазиатском регионе, активизировалось национально-освободительное движение тувинского народа, положившее конец китайскому присутствию в Туве. Однако неоднозначной была позиция тувинской родовой аристократии, которой понадобилось еще несколько лет, чтобы определиться в своих предпочтениях относительно дальнейшего пути развития. Во-вторых, изменилось место Урянхайского края в геополитике России, что подтверждено в процессе анализа этапов проникновения российских подданных в Туву [2]. Кроме того, необходимо учитывать экономические интересы российских предпринимателей (золотодобыча, пушнина, земля, скот, торговля) [10], [13]. Наблюдается переориентация тувинской элиты вследствие элементарного чувства самосохранения перед реальной угрозой поглощения Тувы Монголией, а также объективной оценки торгово-экономических выгод от русско-тувинских отношений. И как следствие – усиление позиций России в регионе, которое завершилось установлением протектората над Урянхайским краем в 1914 г. [3]. Планы и первые шаги российской колониальной администрации свидетельствовали о преобладании геополитических интересов над сугубо экономическими. Ю. М. Кузьмин, раскрывая роль регионального фактора в российско-монгольских отношениях, затронул проблемы международного статуса и территориальной принадлежности Тувы [4].

Следующий аспект проблемы – геополитические факторы основания города Белоцарска (ныне г. Кызыл, столица Республики Тыва) – места нахождения колониальной администрации в Урянхайском крае. К объективным факторам относятся геополитические условия – местоположение на территории слияния двух рек, где начинается р. Енисей (между тем центр политической жизни края находился западнее, на р. Хемчик). К субъективным факторам можно причислить то, что главные инициаторы выбора места закладки (В. Габаев, Г. Сафьянов) знали, где расположен географический центр Азии. Но, тем не менее, город стоит на левом берегу Енисея. На первый взгляд кажется, что логично было бы заложить город на правом берегу реки, к северу, ближе к российской границе. И все же выбор места оправдан с позиций местного населения, которому традиционные верования не позволяли приближаться к местам захоронения, а ведь на правом берегу Енисея находилось и находится множество захоронений разных эпох (гунно-сарматского, скифского и тюркского периодов), хотя на том же правом берегу находились заимки русских предпринимателей, в том числе Сафьяновых. Кроме того, левый берег удобен был для установления и развития коммуникационных, социально-экономических и политических связей между восточными, южными и западными хошунами (ныне кожууны – районы) Урянхия.

В последующем имели место новые геополитические реальности, которые также отразились на статусе Урянхайского края: две революции, падение Российской империи и Гражданская война в России; революция и национальная консолидация в Монголии, активизация панмонгольского движения. Так, после февральской революции 1917 г. в России политика российского Временного правительства, направленная на преемствен-

ность протектората, была не столь последовательной в результате слабости самой власти. Такая ситуация вполне устраивала тувинскую аристократию – отсутствие контроля, возможность проводить свою линию, сохранив реальную власть в своих руках. Начались поиски новых ориентиров.

В октябре 1917 г. установление советской власти в России привнесло кардинальные сдвиги на международной арене. В первых документах советской власти наметились основы внешней политики, соответственно, и основы восточного направления. Реализацию принципа прав народов на самоопределение Урянхайский край вывел за рамки прямых геополитических интересов России. В то же время позиция Коминтерна в «тувинском вопросе» изначально отличалась от позиции советского руководства, что сыграло определяющую роль в сохранении независимости и суверенизации тувинского народа. Данное обстоятельство также позволило противостоять притязаниям Монголии. В этот момент перед тувинским народом история еще раз поставила задачу самоопределения. Процесс поиска места Тувы на международной арене зависел от позиций различных политических сил, которые имели своих сторонников в различных слоях тувинского общества. Так появлялись сторонники пророссийской, панмонгольской ориентаций и национального суверенитета.

Национальные интересы Тувы только начинали оформляться в ходе обсуждения альтернатив дальнейшего развития. Безусловно, международные условия в процессе национального самоопределения тувинского народа являлись определяющим фактором. Однако субъективный момент играл не последнюю роль. Так, Монгуш Буян-Бадыргы – гунн-ноян Даа-хошуна, в последующем председатель Всетувинского Учредительного Хурала, глава тувинского государства, не исключал возможность существования тувинского народа в составе других государств. Напротив, И. Г Сафьянов – один из самых ярких представителей русского населения в Туве, исходивший из собственных убеждений, стал фактически «конструктором ТНР», встав на сторону защиты национальных интересов тувинского народа (сыграли определенную роль жизнь и деятельность в Туве, торгово-экономические интересы семьи в регионе, неоднозначное отношение к новой власти в России, позиция советской власти по вопросу о частной собственности) [1].

Одновременно произошла ликвидация автономии Монголии в 1919 г., и, как результат, усилилось китайское присутствие в Центральноазиатском регионе. Ослабла угроза панмонголизма, соответственно, нависла угроза захвата Тувы Китаем, присутствие китайско-монгольских войск создавало реальные предпосылки к этому. Началось противостояние частей Красной Армии и китайских войск. Снова ситуацию можно было решить только при поддержке органов советских представителей в Туве, которые, не желая развязывать войну с Китаем, старались избежать прямого столкновения. В результате неоднократных провокаций китайские войска навязали Туве вооруженное столкновение, которое проиграли. Следовательно, попытка вернуть Туву под сферу контроля Китая провалилась, что кардинально поменяло ситуацию в Монголии. В регионе усилилось присутствие белогвардейских отрядов, неоднократно пытавшихся здесь закрепиться. Впоследствии они были уничтожены тувинцами и красными партизанами.

В середине 1921 г. – накануне провозглашения суверенитета тувинского государства – геополитическая ситуация в Туве была сложной: Китай в условиях внутренней смуты, Монголия в процессе самоопределения, Советская Россия в состоянии гражданской войны. В августе 1921 г. расстановка политических сил в ходе Всетувинского Учредительного Хурала была неоднозначной, что нашло отражение в протоколах. В таких условиях тувинский народ все же сделал свой исторический выбор, провозгласив суверенитет. Новый геополитический статус Тувы был оформлен путем создания Тувинской Народной Республики (ТНР).

С этого момента ТНР становится новым геополитической единицей в Центральноазиатском регионе. После этого одним из основных аспектов внутренней и внешней политики нового правительства стала проблема признания нового международного статуса Тувы [19]. Юридическое оформление советско-тувинских, тувинско-монгольских отношений было поставлено в прямую привязку к вопросу о статусе нового государства. Тувинское государство в геополитике Советской России занимало немаловажную роль, однако его признание ставило в тупик отношения с Монголией [2]. С. Г. Лузянин в рамках изучения восточного направления внешней политики СССР затронул проблему международного статуса тувинского государства, отметив, что «в систему СССР – МНР были включены и этнорегиональные структуры Тувы и Бурятии, которые в первой четверти XX в. занимали относительно самостоятельные позиции в отношениях с Монголией», тем самым определил место и роль тувинского вопроса в этом треугольнике [6]. Кроме того, ставятся вопросы относительно острых углов советско-монгольских отношений, к одному из них Ю. М. Кузьмин относит и «урянхайский» [4]. Не последнюю роль в изменении статуса Тувы сыграло наличие там русского населения, создавшего советскую трудовую колонию (РСТК), ставшую впоследствии проводником геополитических интересов России в Туве [20]. Следующий фактор – степень влияния Коминтерна на руководство ТНР, который настаивал на сохранении суверенитета для демонстрации идей мировой революции, пробуждения угнетенных народов Востока (через своих представителей в ТНР).

Для советского руководства имела значение позиция Монголии в «тувинском вопросе». Так, еще в Всетувинском Учредительном Хурале присутствовали монгольские представители, однако это не помешало монгольскому правительству немного позднее заявлять о том, что они не знали о таком факте (провозглашение суверенитета тувинского народа), и, как следствие, требовать отправки тувинских представителей в Монголию и отправлять своего представителя в Туву для освидетельствования официального присутствия МНР. Таким образом, монгольская сторона продолжала претендовать на Туву как часть Монголии [12].

Давали о себе знать и идеи панмонголизма, поддерживаемые представителями старой и новой тувинской элиты и частью населения приграничных с Монголией хошунов ТНР. Так, Куулар Дондук – один из глав тувинского правительства – впоследствии признается, что также поддерживал эти идеи, что заблуждался [14]. Скорее всего, это было проявлением процесса поиска политических ориентиров. Такие претензии с монгольской стороны встретили противодействие прежде всего партийных органов. Так, по линии Тувинской народной революционной партии (ТНРП) и Монгольской народной демократической партии (МНРП) началась активная переписка, анализ которой позволяет констатировать столкновение национальных интересов двух государств [16], [22]. И только посредничество советского правительства позволило ТНР сохранить суверенитет, в том числе и в 1924 г., когда в ТНР вспыхнуло антиправительственное восстание [25].

Анализируя деятельность дипломатического корпуса ТНР в соседних двух государствах, можно проследить изменения характера и направлений внешнеполитического взаимодействия с соседними государствами [21], [23]. Торговля во все времена была каналом народной дипломатии. В случае с Тувой и Россией интересы сторон совпали однозначно. Внешнеэкономическую политику ТНР можно рассматривать как механизм реализации национальных интересов в отношениях с северным соседом [20]. В начальный период данное направление недооценивалось, однако со временем именно этот канал стал ключевым как со стороны Советской России, так и ТНР. Примечательно, что режим наибольшего благоприятствования в советско-тувинских торгово-экономических отношениях был достигнут еще до договорного закрепления [15], [17]. Совсем другого харак-

тера отношения сложились у ТНР с южным соседом. С одной стороны, экономика ТНР и МНР базируются на животноводстве. В рамках одного государства они могли существовать и взаимодействовать, однако в статусе суверенных государств они стали конкурентами, и прежде всего за сотрудничество с Советской Россией. Более того, тувинское правительство в новых экономических предложениях МНР который раз усмотрело попытки реализации идей панмонголизма. Соответственно, тувинская сторона сознательно шла на их блокировку, хотя эти перспективные внешнеэкономические проекты могли бы занять региональную нишу в геостратегии Тувы и России [18].

Другим важным аспектом национальных интересов молодого тувинского государства стала проблема делимитации пограничных зон. Попытки правительства ТНР поставить вопрос о советско-тувинской границе были отклонены Советским правительством. Впрочем, с большим желанием советская сторона пошла на разрешение проблемы приграничного режима на советско-тувинской границе в пользу режима наибольшего благоприятствования [8]. Тувинско-монгольские переговоры и договоры об урегулировании вопроса о границе и пограничном режиме дают основание судить о сложности взаимоотношений двух государств [9].

В конце 1920-х гг. приход к власти в ТНР новой политической элиты во главе с Салчак Тока, сопровождавшийся политическими репрессиями, привел к усилению односторонней просоветской ориентации внешнеполитического курса правительства ТНР.

Резюме. Тува в условиях геополитических сдвигов накануне и в период Второй Мировой войны, осложнение отношений между ТНР и МНР, позиция советского руководства по нейтрализации тувинско-монгольских противоречий, подготовка решения о вхождении ТНР в состав СССР, проекты послевоенного устройства мира в ходе международных конференций и тувинский вопрос, процесс вхождения ТНР в состав РСФСР и другие аспекты темы еще требуют досконального изучения, прежде всего с позиции изменения геополитического статуса Тувы. Однако отметим, что ТНР, получив в октябре 1944 г. в составе РСФСР статус автономной области, продолжала процесс интеграции по меньшей мере еще два десятилетия.

На сегодняшний день необходимо изучение роли регионов, таких как Тува, в развитии трансграничных связей России с другими государствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагина, Т. Эккендей / Т. Верещагина.* – Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2004. – 100 с.
2. *Дацышен В. Г. Саянский узел / В. Г. Дацышен, Г. А. Ондар.* – Кызыл : Республиканская типография, 2003. – 284 с.
3. *За три века. Тувинско-русские-монгольские-китайские отношения (1616–1915 гг.). К 380-летию начала русско-тувинских связей / сост. В. А. Дубровский.* – Кызыл : Типография комитета по печати и массовой информации Республики Тыва, 1995. – 88 с.
4. *Кузьмин, Ю. В. «Монгольский и Урянхайский вопросы» в общественно-политической мысли России (конец 19 – 30-е гг. 20 в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Ю. В. Кузьмин.* – Иркутск : ИГУ, 1998. – 40 с.
5. *Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин.* – М. : Изд-во политической литературы, 1969. – Т. 26. – С. 337–338.
6. *Лузянин, С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин.* – М. : ОГНИ, 2003. – 320 с.
7. *Мясников, В. С. Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении русского государства в 18 веке / В. С. Мясников.* – М. : Наука, 1977. – 154 с.
8. *Саая, С. В. Вопросы о государственной границе между Танды-Тыва Республикой и Монголией (1921–1944 годы) / С. В. Саая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов : сборник тезисов и докладов IV Международной научной конференции.* – Томск : Изд-во ТГУ, 1999. – С. 204–205.

9. Саая, С. В. Внешнеполитическая позиция Советской России в вопросе о международном статусе Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) / С. В. Саая // Вестник Тывинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 54–60.
10. Саая, С. В. Внешнеэкономические связи и их значение в укреплении международного положения Тувинской Народной Республики / С. В. Саая // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. – 2006. – № 7. – С. 64–73.
11. Саая, С. В. Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 гг.) / С. В. Саая, С. Ч. Сат. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2006. – 296 с.
12. Саая, С. В. Дипломатический корпус Тувинской Народной Республики по вопросу о взаимодействии с Советской Россией в 1920-х годах / С. В. Саая // Открытие и изучение орхоно-енисейской письменности : материалы Международной научно-практической конференции (к 115-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности). – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2008. – С. 177–182.
13. Саая, С. В. Историко-правовая база развития межрегиональных и внешнеэкономических связей Хакасии / С. В. Саая // Интеллектуальные ресурсы ХТИ – филиала КГПУ Хакасии : сб. тезисов и докладов 2-й региональной научно-практической конференции. – Абакан : Изд-во ХТИ – филиала КГПУ, 1999. – С. 10–13.
14. Саая, С. В. К оценке политических репрессий в Тувинской Народной Республике в 1930–1940 гг. / С. В. Саая // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти профессора В. И. Дулова. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. пед. ун-та, 2007. – С. 106–115.
15. Саая, С. В. Правовое регулирование функций советского консульства в Тувинской Народной Республике в 1925 году / С. В. Саая // Проблемы реализации национально-регионального компонента в условиях перехода на Государственные стандарты общего образования : материалы Международной научно-практической конференции – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2006. – С. 149–152.
16. Саая, С. В. Причины политических репрессий в Тувинской Народной Республике в 1930–1940 гг. / С. В. Саая // Вестник Тывинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 61–65.
17. Саая, С. В. Развитие внешнеэкономических связей между Тувой и Советским Союзом в 1920–1930 гг. / С. В. Саая // Этносоциальные процессы в Сибири : тематический сборник / под ред. Ю. В. Попкова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. – Вып. 3. – С. 123–126.
18. Саая, С. В. Россия – Тува – Монголия: «Центральноазиатский треугольник» в 1921–1944 гг. / С. В. Саая. – Абакан : Стрежень, 2003. – 199 с.
19. Саая, С. В. Роль советского правительства в урегулировании отношений между Тувинской Народной Республикой и Монгольской Народной Республикой в первой половине 1920 годов / С. В. Саая // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. – 2004. – № 5. – С. 56–68.
20. Саая, С. В. Статус советского дипломатического представительства в Тувинской Народной Республике в 1920-х гг. / С. В. Саая // Народы и культуры Южной Сибири: история, современное состояние, перспективы : материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2009. – С. 83–85.
21. Саая, С. В. Установление и расширение внешнеэкономических связей ТНР в 1920-е гг. / С. В. Саая // Научные труды Тывинского государственного университета. – Вып. 2. Т. 1. – Кызыл : ТывГУ, 2005. – С. 21–23.
22. Саая, С. В. Участие советской стороны в установлении дипломатических отношений между Танды-Тыва и Монгольской Народной Республикой в 1920-е гг. / С. В. Саая // 55 лет в составе России : тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию вхождения Тувы в состав России. – Кызыл : ТывГУ, 1999. – С. 41–42.
23. Саая, С. В. Центральноазиатский «треугольник» в 20-х гг. XX века: Россия – Тува – Монголия / С. В. Саая // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур : материалы V международной научно-практической конференции. Вып. 5 / под ред. В. С. Бойко. – Барнаул : БГПУ, 2005. – С. 311–321.
24. Саая, С. В. Эволюция международного статуса Тувы в XX веке: историография и методология изучения / С. В. Саая // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая : сборник научных статей / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Вып. 10. – Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2009. – С. 4–14.
25. Саая, С. В. Эволюция позиций Советской России по отношению к Тувинской Народной Республике в 1920-е гг. / С. В. Саая // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая. – 2003. – № 4. – С. 3–18.